

Отзыв

на диссертацию М.Ч. Третьяковой «Военно-политический кризис в Республике Македонии в 2001 г.», представленной к защите на степень кандидата исторических наук.

Диссертация М.Ч. Третьяковой написана на тему, затрагивающую вопросы конфликтологии в целом и, прежде всего, весьма острую проблему межнациональных отношений, актуальную для многонациональных государств, а также для стран, втянутых в общеевропейский миграционный процесс. Для региона, рассматриваемого диссертанткой, исследование особенно важно и одновременно особенно трудно, так как обстановка там еще не пришла в норму окончательно. В такой ситуации необходимо, применяя в работе методы социологии и политологии, соблюдать заявленные М.Ч. Третьяковой принципы историзма и системности, анализа, синтеза, компаративизма и особенно объективности.

Построение диссертации призвано отвечать принципу историзма: М.Ч. Третьякова ставит задачу проследить историю национальных отношений в балканском регионе с 70-х годов XIX века с целью определить этапы исторического развития народов региона, выявить как исторические корни и предпосылки сложившейся там многонациональной ситуации, так и факторы, влиявшие на ее развитие. Вместе с тем диссертантка стремится подробно проанализировать события конца 1990-х – 2001 гг., не только проследить их ход, но и вскрыть их сущность, определить характер и цели, оценить их итоги и последствия как в региональном, так и в международном плане.

Оказалось, что выполнить все эти задачи, следуя провозглашенным принципам, чрезвычайно трудно, учитывая, что написание диссертации отделено от событий 2001 г. весьма коротким промежутком времени, а ее автор, очевидец этих событий, национально ангажирован и принадлежит к одной из сторон конфликта, исследуемого в диссертации. Подозрения о национальной пристрастности диссертантки возникают уже при чтении

историографического раздела исследования: М.Ч. Третьякова подробно представляет источники и литературу македонского происхождения, приводятся также работы славянских и западных авторов, но албанская историография представлена лишь несколькими названиями, и это не может не вызвать сомнения в объективном характере столь выборочной селекции.

Сомнения возникают и при чтении основного текста диссертации. На протяжении всего исследования звучит обиженный голос диссертантки, которая пеняет на быстрый численный рост албанского населения в послевоенные и 1990-е годы, когда прибавилось 150 тысяч косоваров (С. 90, 95). Отмечено, что в послевоенные годы шел также «процесс выселения коренных македонцев», когда около 20 тысяч человек было переселено в Воеводину, а в 1991–2002 гг. около 200 тысяч македонцев покинуло родину (С. 95). Остается неясным, что стало причиной «выселения» или «переселения», было ли оно реакцией югославского правительства на позицию македонцев, недовольных курсом коллективизации, которая оказалась для них «пагубной», так как в результате «македонские села опустели» (С. 90). Автор диссертации называет политику тогдашнего правительства «селективной», не затронувшей интересы албанских крестьян, которые сопротивлялись коллективизации, но сохранили свои хозяйства. Она констатирует намеренное «попустительство» властей в отношении албанцев, что привело к албанской «колонизации» и обеспечило преобладание албанцев в опустевших македонских селах (С. 14).

Образ такой же «попустительской» политики в отношении албанского меньшинства диссертантка рисует и при характеристике правительства независимой Македонии. На С. 84 возникает термин «положительная дискриминация» меньшинства, в тексте постоянно говорится об обеспечении албанскому меньшинству равных прав и даже преимуществ во всех сферах жизни – экономической, политической, культурной, научной, образовательной. То и дело встает вопрос о правах албанского языка, о требованиях предоставления ему то служебного, то государственного

статуса; затем выясняется, что служебный статус албанский язык уже имел, а речь идет о распространении сферы его применения (С. 67–68, 71–72). Тот факт, что все албанские требования, как языковые, так и касающиеся предоставления албанскому меньшинству статуса государствообразующей национальности, были учтены, приняты и зафиксированы в Охридском договоре 2001 г., не вызывает у автора диссертации одобрения и удовлетворения от разрешения конфликта, а лишь укрепляет подозрения в намерении албанцев «взорвать» Македонское государство, заявив об отделении части земель и созданий «Великой Албании»,

Что касается идеи «Великой Албании», то впервые о ней мы узнаем из приведенных в диссертации выступлений албанских политических лидеров, и в дальнейшем постоянно говорится о «частых великоалбанских лозунгах» (С. 219). Но на С. 69 возникает лозунг создания «Илириды», провозглашенный в начале 1990-х гг. Что означает этот лозунг и как он сочетается с идеей «Великой Албании», с проблемами автономии и федерализации, о которых тут же идет речь, диссертантка не разъясняет. Однако на С. 146 говорится о выступлении в печати в июне 2001 г. «одного из основателей Республики "Илирида"» Мирхата Емини, а на С. 227–228 сообщается о референдуме по вопросу «провозглашения албанской "Илириды" на территории Македонского государства» в 2001 г. Но на этом история «Илириды» не кончается: на последних страницах диссертации ее автор сообщает, что «через несколько дней после признания Македонией и Черногорией Косова в 2008 г. албанское национальное движение Илирида приняло и обнародовало декларацию о федерализации Македонии и создании "Республики Македония Илирида" как федерального объединения» двух государствообразующих народов. А 18 сентября 2014 г. в Скопье бывший глава НДП Невзат Халили и его соратники подписали декларацию о независимости регионов Македонии, населенных албанцами, и провозгласили начало «проведения референдума о создании Республики Илириды», результатом чего стала бы федерализация Македонии (С. 234).

Все эти сведения, приведенные диссертанткой, ею не комментируются. Не сообщает она и о реакции на них правительства Македонии, и это как бы подкрепляет ее утверждение о «мягкой», «попустительской» политике властей в отношении албанцев. Справедливость такой позиции, казалось бы, подтверждают редкие упоминания о противодействии македонских властей атакам албанских боевиков и единичные сообщения об их арестах (С. 175, 176) или, например, такой любопытный факт, приведенный на С. 121: там сообщается, что активный участник террористической деятельности 1990-х гг. видный албанский боевик Фазли Велиу заседал в 2002–2006 гг. в македонском парламенте в качестве депутата.

Подобная снисходительность и терпимость удивляет, если учесть, что на страницах диссертации М.Ч. Третьякова не устает писать о не прекращающихся вооруженных выступлениях албанцев – не только об обстрелах македонских частей безопасности, но и о «массовом албанском терроре против неалбанского населения», о «страшных методах террора» и проведении этнических чисток, об уничтожении религиозных объектов, памятников истории и культуры славян, о насилиях над христианами, убийствах, похищениях, грабежах имущества, перекрытии водоснабжения, поджогах домов и церквей и о прочих «бесчинствах» албанских боевиков (С. 127, 180, 185, 190, 222, 224). Но конкретные данные, относящиеся к периоду, предшествовавшему военному конфликту 2001 г., приводятся очень редко и содержат единичные факты нападения боевиков, в частности, в Танушевцах, Арачинове, Скопье, Кичеве (С. 121, 125). Лишь тогда, когда диссертантка пишет об «операциях по локализации албанского выступления» в марте 2001 г., а затем об обсуждении Охридского договора, она сообщает более обширные сведения. Правда, остается неясным, какие «позиции» правительственные войска «завоевали» в результате военных операций 25–30 марта 2001 г. (С. 162), зато создается представление как о масштабе военных действий, числе убитых, раненных и арестованных, так и о размахе

действий албанских боевиков, результатом которых стало, в частности, перекрытие водопровода 100000 жителям македонского села Куманово и изгнание из домов 77000 македонцев в районе Куманова и Тетова (С. 178, 179, 190). Диссертантка сообщает и о действиях албанских боевиков уже после заключения Охридского договора, когда они взорвали древнюю церковь при монастыре в селе Лешок. Она подчеркивает, хотя и не приводит конкретных фактов, что до декабря 2001 г. боевики «продолжали жечь дома и уничтожать святыни македонцев, похищать невинных людей и обстреливать позиции македонских сил безопасности» (С. 208).

Какова была реакция на это правительства Македонии, в диссертации не сообщается. Однако на С. 161 между прочим упоминается о неофициальном документе, предъявленном европейским политикам лидером албанской ДПА А. Джафери, в котором, в частности, содержалось требование «ресоциализации более 50 тысяч политических заключенных». М.Ч. Третьякова не комментирует этот факт так же, как не комментирует неоднократно встречающиеся в диссертации утверждения албанских политиков о «чрезмерном использовании силы» со стороны македонских властей, обвинения в дискриминации албанцев, уничтожении объектов албанской культуры, в «невыносимом государственном насилии», терроре, арестах, избиениях, убийствах (С. 78, 152). В частности, 30.1.2000 г. албанская Освободительная национальная армия в своем первом официальном коммюнике обвинила македонские власти в «государственном терроре», нашедшем проявление в городах Скопье, Радолишта, Тетово, Гостивар, Кичево (С. 121). Но, как видно, все эти обвинения диссертантка заведомо считает ложью и клеветой в свете своей позиции, утверждающей факт проведения правительством Македонии «мягкой», «попустительской» политики в отношении албанского меньшинства.

Все выше сказанное подтверждает ангажированность автора диссертации, свидетельствует о ее симпатии к македонской стороне межнационального конфликта. Это определяет не только подачу материала –

фактов, цифр и т. п., но и их интерпретацию. При этом возникает вполне определенный стиль изложения – стиль эмоциональный, характерный не для научного исследования, а для публицистического выступления. То и дело встречаем в тексте такие выражения, как «к сожалению», «подчеркнем», «нужно обратить внимание» и т. п. А в заключение своего публицистического выступления диссертантка даже считает необходимым дать свои установки властям Македонии, указать, что государство должно конкретно делать, какие ближайшие шаги предпринимать в области внутренней политики и на международной арене. Авторские рекомендации распространяются также на балканские страны и Россию (С. 235–236).

Безапелляционные мнения М.Ч. Третьяковой касаются ряда вопросов. Так, на С. 91 она с неудовольствием пишет о том, что в албанских учреждениях образовательной и культурной сферы господствует родной язык, а государственный македонский язык изучается как иностранный в меньшем объеме, и это, якобы, способствует тому, что «две общины с разными культурно-религиозными особенностями» лишены взаимопонимания и воспринимают друг друга «сквозь призму своего национального самосознания». Автора диссертации возмущает не только такая распространенная в мире практика реализации прав (в том числе языковых) национальных меньшинств, но и столь же широко распространенные реалии политической жизни и партийной борьбы. Отметив тот факт, что каждая политическая партия в Македонии «на практике преследовала собственные цели и интересы», диссертантка увидела в этом проявление «слабости македонской внутривнутриполитической жизни», давшее о себе знать во время военно-политического кризиса 2001 г. (С. 169). Видимо, такой взгляд на партии способствовал тому, что в диссертации не представлена полная картина всего политического спектра и его особенностей. Возникают упоминания то об одной, то о другой партии, и далеко не всем дается какая-либо характеристика. Остается неясным, какие партии формируют правительство Македонии, а порой нет расшифровки и

самого названия той или иной партии: например, что означает «ВМРО-настоящая»? (С. 168). Нет ясности и насчет македонской политической оппозиции: на что конкретно была направлена ее критика, каковы были ее аргументы, а также какие «три стороны» существовали в «македонском блоке» (С. 164, 194). На С. 148–149 текста диссертации говорится о позиции албанских парламентариев, поддержавших Декларацию 18 марта 2001 г., направленную на мирное урегулирование в Македонии, но более подробных сведений об «албанском политическом блоке» в парламенте не приведено. Что касается мирного урегулирования, то вопрос о заключении Охридского договора требует дополнительного освещения и уточнения: в тексте постоянно путаются термины «подписан» и «утвержден», а местом их «подписания» или «утверждения» называются города Охрид и Скопье, причем последний упоминается даже не в основном тексте, а в сноске (С. 190, 205, 232).

В диссертации имеется ряд не слишком понятных моментов, связанных, в частности, с выходом автора за хронологические рамки темы исследования. Так, на С. 225 вскользь упоминается о столкновении албанских боевиков с македонской полицией весной 2015 г., а на С. 209 автор намекает на то, что в 2016 г. Охридский договор стал «основной платформой решения вопроса о правах албанского меньшинства в стране», но этот намек не разъясняется. Требуют дополнительного разъяснения и ряд других фактов. На С. 154 и 156 упоминается «вопрос об имени страны» без расшифровки тех конкретных формулировок, которые были с ним связаны. На С. 68 нет ясности относительно символов албанской культуры, которые албанцы требовали разместить на национальной валюте Македонии. Те же требования албанцы выдвигали и во время бойкота референдума о независимости Македонии в 1991 г., хотя проголосовали за Декларацию о независимости страны (С. 227). Эти противоречивые факты требуют дополнительного разъяснения так же, как и такой вопрос: почему, вопреки принятой консенсусной модели пропорционального представительства

«этнических общностей» в политической структуре Македонии, албанцы составляют большинство в аппарате правительства (С. 210–211).

Требуют пояснения и некоторые загадочные фразы, встречающиеся в тексте диссертации, например, такая формулировка на С. 187: «македонское руководство не шло на прямые контакты с боевиками, но вступило в переговоры с албанскими парламентариями, чем отрицало наличие предмета для переговоров» (?!). Непонятна также фраза на С. 97, которую диссертантка приводит в доказательство влияния албанцев на религиозные дела мусульманской общины: «Старшинство было переименовано в "Мешхиат"». Нужны разъяснения таких терминов, как «Основной суд» (С. 88), «конфликтное урегулирование» (С. 204), «вето по "Бадентеру"» (С. 215–216) и др.

Вопросы возникают в связи с разным написанием одних и тех же фамилий и географических названий: Джафери – Джаффари – Джаферы, Ачковска – Ачкоска, Рамадани – Рамаданы (С. 65, 86–88 и др.). Исправления требует транскрипция названий иностранных газет (например, «Ди Вельт» на С. 136), необходимо также представление французских, польских и прочих имен в их подлинном звучании, а не в английском варианте (см., например, С. 137). Полезной была бы также замена некоторых иностранных терминов соответствующими русскими («абдукция тел» на С. 65, «имплементация договора» на С. 203 и др.), но это нужно делать грамотно. В тексте ряд подобных «замен» (а скорее, безграмотных переводов) выглядит комично: «массовая гробница» вместо «массовое захоронение» (С. 178), «Высокий» (комиссар, представитель и т. п.) вместо «Верховный» (С. 82, 133, 153, 158, 165), «министр внешних дел» вместо «иностранных» (С. 109), «районы мира» вместо «регионы» (С. 143).

Комические ситуации возникают при чтении текста неоднократно. Например, на С. 202 читаем: «критические моменты» кризиса»; на С. 204 – «конфликтное урегулирование»; на С. 186 – «неохотное согласие»; на С. 67 – «Декларация имеет декларативный характер». На С. 62 говорится о

«неприятельских отношениях», а также сообщается о демонстрации албанцев в Тетове, в результате чего от работы отстранили 73 человека. В связи с этим автор диссертации пишет: «Временно были казнены 31, из которых 6–8 были повторно наняты на работу, а остальные остались без нее». Видимо, диссертантка объединила два однокоренных русских глагола «казнить» и «наказывать», так же как перепутала родственные, но имеющие каждое специфический оттенок прилагательные «неприятельские» и «неприятельные». Плохое владение М.Ч. Третьяковой русским языком очень заметно сказалось на тексте диссертации. Помимо употребления неточных, не соответствующих по смыслу, а часто просто ошибочных слов и выражений, в тексте много не просто опечаток, но грамматических ошибок, нарушений пунктуации, серьезных изъянов в плане построения стилистических конструкций.

Недочеты имеются и в самой конструкции диссертации: порой нарушается последовательность изложения событий. Так, на С. 154 автор забегаёт вперед, сообщая об Охридском договоре, а на С. 188, наоборот, возвращается к событиям в Арачинове. Особенно неприятное впечатление производят многократные повторения одних и тех же утверждений, а в ряде случаев встречаются большие фрагменты текстуальных повторов (С. 213, 222, 225; С. 206, 223; С. 190, 215, 222, 224, 234).

В подобном состоянии текст диссертации нельзя представлять к защите: он должен быть коренным образом отредактирован, чтобы отвечать требованиям русского языка и логике изложения. Подспорьем в этом могут стать поправки и пометки, сделанные в тексте на полях данного экземпляра. Однако изменения требуют не только язык и построение текста, но само отношение к изучаемой проблеме, освобождение текста диссертации от публицистического звучания, приближающего ее по характеру к разряду политологического исследования. Для создания же научного труда по истории необходимы беспристрастный анализ исторических фактов и столь же беспристрастная их оценка. Только тогда диссертационная работа будет

же беспристрастная их оценка. Только тогда диссертационная работа будет соответствовать параметрам, определенным для рассмотрения в Диссертационном совете по специальности «Всеобщая история».

24 марта 2017 г.

Ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
доктор исторических наук

С.М. Фалькович

Подпись С.М. Фалькович

ВЕРНО: <i>достоверно</i> Заведующая кадрами <i>Левинна Юренна</i> "24" марта 2017 г.
--

